

Хотят ли русские Чечни...

Поэт, который больше чем поэт.

Константин КЕДРОВ,
«Новые Известия»

Шесть тысяч зрителей, заполнивших Кремлевский дворец, проголосовали ногами и головами за отмену десятилетнего моратория на поэзию, объявленного нерасторопными чиновниками эпохи рыночной экономики. Им, чиновникам, поэзия действительно не нужна, но стоило Евтушенко получить доступ к телеэкрану и пригласить людей на свой поэтический вечер, и тысячи людей самого разного возраста устремились в Кремль.

Разумеется, «поэт в России больше чем поэт», и Евтушенко сегодня – символ очень многих поруганных и растоптанных идеалов. Любовь к свободе – врожденное свойство его лирического героя, который и сегодня вдруг оказался в опале. «Носил он брюки узкие, // читал Хемингуэя. // «Вкусы, брат, не русские», – // ворчал отец мрачней». Этот «отец» и даже «дед» ныне ворчит то же самое, хотя по возрасту он постаревший сверстник того самого парня, о котором сорок пять лет назад писал Евтушенко.

Не устарело и хрестоматийное «Наследники Сталина»: «Наследники Сталина розы в отставке стригут, а сами мечтают...». Понятно, о чем мечтают. Почти полвека прошло, и вот уже наследники тех наследников Сталина, о которых, рискуя своей судьбой, писал Евтушенко, снова мечтают о том же самом – о диктатуре.

«Когда румяный комсомольский босс на нас кричит и кулаком грохочет, // и вылепить в свое подобье хочет», – писал Евтушенко о комсомольских боссах тех лет. А чем те боссы отличаются от нынешних румяных вождей путинского комсомола, идущих вместе, которые пытаются диктовать читателю, что читать, а писателям, что писать?..

На фоне нынешних безнаказанных антисемитских выходок и терактов разве не стало вдвойне актуальным стихотворение «Бабий Яр»? «Еврейской крови нет в крови моей. // Но, ненавистен швали заскоружлой, // Для всех антисемитов – я еврей. // И потому я настоящий русский».

Страна в последний раз видела Евтушенко на трибуне где-то в разгаре перестройки, когда он как депутат дерзко предлагал внести в советскую Конституцию поправки, не оставляющие камня на камне от диктатуры. Незадолго до этого поэт заклеил «идеогенералов», которые не взяли ни одной высоты, не были ни в одном сражении, но зато всегда готовы к бою с писателями и поэтами, нарушающими сталинские устои. Потом мы видели поэта на баррикадах у Белого дома во время путча.

А потом в стране с уже свободной прессой, за которую Евтушенко всю жизнь боролся, развернулась бешеная травля шестидесятников. Истоки этой странной идеологической войны уходят в советское прошлое, когда идеологические стряпчие 5-го отдела КГБ, те самые идеогенералы, начали тайную войну с ненавистными и непокорными литераторами: им удалось разжечь что-то вроде войны поколений. Молодым писателям и журналистам постоянно внушалась мысль, что так называемые шестидесятники заняли все тепленькие места и не дают хода новым дарованиям. По застарелым, но надежным рецептам доктора Геббельса была, как об этом неопровержимо свидетельствуют чудом сохранившиеся документы, развязана кампания по дискреди-

тации. Распускались нелепейшие слухи и сплетни. Настоящие плоды кампания принесла не в советское, а в постсоветское время. Не было ни одной лубянской байки, чернящей того же Евтушенко, которая не просочилась бы в прессу начала 90-х годов, как «открытие».

Евтушенко не выдержал прессинга. Он обиделся на свободу и фактически уехал в США. Там его положение по отношению к новой России стало еще нелепее. Он писал стихи о штурме Белого дома во время красно-фашистского путча 93-го, черпая сведения из тогдашних газет. Ничего смешнее и нелепее тех стихов я не слышал и не читывал. Поэт не избежал участи всех, кто надолго уехал. Он стал нас учить из-за океана. Эти стихи и поучения, конечно же, не имели никакого успеха. Они были не менее схематичны, чем стихотворные назидания Евтушенко 70–80-х годов, когда он явно утратил чувство реальности и стал вещать откуда-то с писательского Олимпа. Это раздражало тогда и раздражает сейчас. Однако Евтушенко 60-х из памяти не стирается. Он единственный поэт, добившийся популярности Есенина во второй половине XX века. Кроме того, он последний по-настоящему популярный поэт в XX веке. Триада Маяковский–Есенин–Евтушенко выстроилась сама собой. Можно сожалеть, что и другие по-настоящему великие в эту троицу не вошли, но так сложилась история. Она, как известно, сослагательного наклонения не имеет. Бардов я в расчет не беру. С их популярностью никакой Шекспир не смог бы состязаться.

Конечно, манера чтения стихов с пафосом и сарказмом сегодня выглядит архаично, но Евтушенко верен себе, и в искренности ему не откажешь. Он стал символом поэзии, которая активно вторгается в жизнь, ведет за собой, сплачивает порядочных людей против власти имущих мерзавцев, словом, той поэзии, которая исчезла еще в 70-х годах и вряд ли когда-нибудь возродится. Тогда ее сменили смелые барды, прежде всего Высоцкий, а сегодня, если у вас есть политический запал, извольте баллотироваться на выборах или создавайте новую партию.

Однако Евтушенко и есть скрытый лидер никем не зарегистрированной, но весьма многочисленной партии. Партии порядочных людей. А в нее-то уж точно все талантливые поэты входят. Так что не торопитесь хоронить поэзию, господа. Она исчезнет только вместе с Россией. А этого, слава Богу, не произойдет никогда. «Идут белые снеги, / Как по нитке скользя. / Как при Пушкине, Стеньке / И как после меня», – писал когда-то Евтушенко. Он не знал, что это «после» наступит еще при жизни, и поэт станет живым свидетелем своего незаслуженного временного забвения и своей вполне заслуженной непреходящей славы.

В «Братской ГЭС» есть эпизод, когда строителей спрашивают, есть ли у них свобода: «Отвечают тихо: «есть». // То ли есть у них свобода, то ли хочется им есть». К сожалению, и эти строки несколько не устарели. Строки популярных зонгов сами просятся на пародию. Пародия – всегда плата за популярность. Вот и я невольно спародировал Евтушенко. «Хотят ли русские войны? Спросите жителей Чечни...». Нет, не надо поэтам воспевать государство или подпевать ему даже зонгом. Хорошо получается только о любви и свободе.